

Изъ частныхъ проблемъ нельзя согласиться съ отрицаніемъ «интуитивнаго», автономнаго, независимаго отъ вышшняго авторитета, права; отрицаніе это подрываетъ, по нашему разумѣнію, всякое значеніе за признаніемъ права естественнаго, мыслимаго въ качествѣ реальнаго фактора правовой жизни, — какъ конкурирующее съ правомъ положительнымъ начало — лишь въ видѣ идеальнаго составнаго элемента «интуитивнаго» права; иначе можетъ итти рѣчь лишь о *нравственной* критикѣ *положительнаго* права, а не объ *особомъ естественномъ правѣ*.

Трудно въ небольшой рецензій цѣликомъ изложить и критически оцѣнить блестящій исключительной полнотой и насыщенностью содержанія учебникъ проф. Тарановскаго. Сторонники самыхъ разнообразныхъ позицій одинаково сойдутся въ признаніи его рѣдкихъ достоинствъ, обусловленныхъ широтой исторической концепціи и поразительно объективнымъ и полнымъ изложеніемъ всѣхъ заслуживающихъ вниманіе теорій. Стремленіе сочетать идеалистическое и позитивистическое воззрѣнія, на которое мы напалили съ точки зрѣнія чистоты философскихъ принциповъ, какъ нельзя лучше отразилось на качествахъ книги проф. Тарановскаго, какъ учебника, свободнаго даже отъ намека на какую бы то ни было предвзятость и односторонность. Книга Ф. В. Тарановскаго всемѣрно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ наиболѣе цѣнное пособіе по теоріи права въ русской юридической литературѣ.

Доцентъ Г. Д. Гурвичъ.

Засл. проф. петрогр. унив. **А. В. Васильевъ**. Пространство, время, движеніе. Историческое введеніе въ общую теорію относительности. Книгоиздательство «Аргонавты», Берлинъ.

Эта книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ въ своемъ заглавіи. На пространствѣ 148 страницъ предстаетъ предъ нами пестрая картина смѣнявшихся воззрѣній на философскую и научную природу пространства, времени и движенія, дается краткое, но исчерпывающее изложеніе спеціальной и общей теоріи относительности Эйнштейна, причемъ математическая сторона затронута въ размѣрахъ и формѣ, доступной и читателю, знакомому только съ верхами высшей математики, а въ заключительной главѣ оцѣнивается философское значеніе теоріи относительности.

Прекрасный замыселъ почтеннаго ученаго выполненъ съ юношескимъ энтузіазмомъ и большимъ искусствомъ. Для насъ русскихъ этотъ трудъ получаетъ еще особенное значеніе, потому что въ немъ съ достаточной полнотой выясняется историческая роль гениальнаго русскаго ученаго, проф. казанскаго университета Ник.

Ив. Лобачевского въ подготовленіи той научной почвы, на которой только и могла вырасти грандіозная научно-философская теорія Эйнштейна. Творецъ пангеометріи, Коперникъ Россіи, по выраженію англійскаго ученаго Клиффорда, оставилъ намъ въ «Новыхъ началахъ геометріи» немало замѣчательныхъ мыслей, которыя его современникамъ могли казаться темными прорицаніями Пифагора, но приобретаютъ свое полное значеніе теперь, въ яркомъ свѣтѣ теоріи относительности. «Въ природѣ, говоритъ Лобачевскій, мы познаемъ собственно только движеніе, безъ котораго чувственныя впечатлѣнія невозможны. Всѣ прочія понятія, напримѣръ, геометрическія, произведены нашимъ умомъ искусственно, будучи взяты въ свойствахъ движенія, а потому пространство само собою, отдѣльно, для насъ не существуетъ». Здѣсь впервые намѣчается идея о тѣсной связи между метрическими свойствами пространства и физическими явленіями, — идея, получившая свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Риманна, Клиффорда, и свое блестящее завершеніе въ мірѣ четырехъ измѣреній Эйнштейна-Минковскаго.

Въ историческомъ публичномъ засѣданіи ф.-математическаго факультета казанскаго университета 12 февраля 1826 года, когда Лобачевскій высказалъ свое убѣжденіе, что «въ самыхъ понятіяхъ (геометріи) еще не заключается той истины, которую хотѣли доказать, и которую провѣрить, подобно другимъ физическимъ законамъ, могутъ лишь опыты, каковы, напримѣръ, астрономическія наблюденія» (66), была пробита брешь не только въ эвклидовой геометріи, но и въ кантовскомъ ученіи о принудительности и общезначимости предпосылокъ одной изъ «королевскихъ» наукъ.

Гдѣ ужъ тутъ говорить о философіи, какъ о строгой наукѣ, коли устои одной изъ наукъ, откуда должно было постоянно и неизмѣнно литься укрѣпляющее молоко единственности, необходимыхъ аксіоматическихъ предпосылокъ внутренняго возрѣнія и научнаго опыта, заколебались подъ напоромъ творческихъ силъ великихъ математиковъ Гаусса, Лобачевского? «Нечестивый» для всѣхъ представителей единой догмы призракъ Протагора снова всплылъ на горизонтѣ и, что самое поразительное, онъ избралъ для своего появленія цитадель одной изъ самыхъ «точныхъ» наукъ. Ненавистная сердцу всякаго догматика парадоксальность закрадывается уже въ душу одного изъ первыхъ великихъ пионеровъ мысли о возможности многихъ математическихъ истинъ: «въ нашемъ умѣ не можетъ быть никакого противорѣчія, когда мы допускаемъ, что нѣкоторыя силы въ природѣ слѣдуютъ одной, другія своей особой геометріи... (изъ введенія къ «Новымъ началамъ геометріи» Лобачевского; цит. по Васильеву, 70). Тутъ не метафизическая истина берется подъ

подозрѣнія, а научная, и «человѣкъ — мѣра всѣхъ вещей, сущихъ, поскольку онѣ существуютъ, не сущихъ, поскольку онѣ не существуютъ» (Протагоръ), творецъ истинъ здѣсь на отмени времени, начинаетъ съ того, какъ Гауссъ, «король математиковъ», на *опытъ* ищетъ подтвержденія положеніямъ эвклидовой геометріи, а Лобачевскій уже открыто, не боясь «крика беоційцевъ», говоритъ о «силахъ, производящихъ все: движеніе, скорость, время, даже *разстояніе и углы*». Здѣсь уже смутная гениальная догадка о томъ, что мертвый механическій міръ, построенный на застывшихъ «обязательныхъ» истинахъ - предпосылкахъ эвклидовой геометріи, долженъ уступить свое мѣсто живому многообразію римановскаго міра многихъ измѣреній, вселенной Эйнштейна - Минковского, гдѣ царитъ гибкій принципъ сопереживности и гдѣ устанавливается тѣсная и вмѣстѣ съ тѣмъ живая связь между метрикой міра и тяготѣніемъ: «силы все производятъ одинъ... разстояніе и углы. Съ силами все находится въ тѣсной связи...»

Я далека, конечно, отъ того, чтобы видѣть въ Лобачевскомъ прямого предтечу Эйнштейна, но изъ приведенныхъ цитатъ ясно видно, что тутъ уже творческій гений подкалывается подъ застывшій міръ абсолютвъ классической механики. Въ книгѣ проф. Васильева читатель найдетъ не мало фактическаго матеріала въ этомъ же родѣ; онъ увидитъ не разъ, какъ творческая фантазія, непредубѣжденность добросовѣстной научной мысли, свободное отъ мертвыхъ догмъ изслѣдованіе приводили къ тому, что человѣкъ науки смускался изъ искусственно придуманной десятой сферы, — «ампира» абсолютвъ въ міръ капризной, измѣнчивой, но живой дѣйствительности. А что слабый мыслящій тростникъ оказался мѣрой всѣхъ вещей и познаетъ вселенную-только въ многообразныхъ отношеніяхъ движущихся системъ, имѣющихъ каждая свое время и свое пространство, то въ этомъ нѣтъ большаго грѣха, чѣмъ въ твореніи кумира абсолютныхъ сущностей.

Творческія силы человѣка смогутъ многое: создать одну геометрію, замѣнить ее другой, болѣе соответствующей многообразію дѣйствительности; создать теорію движенія небесныхъ свѣтилъ, дополнить ее другой, съ болѣею точностью объясняющей малѣйшія отклоненія отъ установленныхъ научнымъ путемъ нормъ: человѣкъ можетъ даже создать «идею» божества, по его мастеръ вселенной, «первый двигатель», Богъ, приведенный въ согласіе съ новѣйшими достиженіями науки, — какое бы пышное названіе этотъ научно-философскій богъ ни носилъ, — всегда будетъ напоминать того соловья, котораго ученые мужи для утѣшенія умирающаго богдыхана смастерили взаимѣль живого пѣвца любви, пѣвца печали. Угадать путь, по которому впередъ пойдетъ научная мысль, конечно,

трудно. Въ одномъ, однако, мы совершенно согласны съ проф. Васильевымъ: этотъ путь будетъ безконечно далека «отъ узкаго фанатизма, считающаго материализмъ Геккеля и Энгельса послѣднимъ словомъ человѣческаго мышленія» (148).

Г. Ловцкій.

Lydie Krestovsky. Vassily Krestovsky. Préface et Dessins originaux de E. A. Bourdelle. Chez J. Povolotzky & Cie Editeurs. Paris.

Книга эта, памятникъ воздвигнутый любящей рукою вдовы, является намъ образъ рано погибшаго художника Василія Крестовскаго. И пламенный, вдохновенный слова предисловія его учителя, скульптора Бурделя, и проникнутыя болью и любовью, написанныя импрессионистическими пятнами воспоминанія г-жи Л. Крестовской, и воспроизведенія работъ самого Крестовскаго — все говорить, что въ лицѣ его погибъ выдающійся и своеобразный чело-вѣкъ.

Очень русское, очень сильное лицо глядитъ на васъ съ портрета, приложеннаго къ книгѣ, глядитъ казалось бы съ мужественной увѣренностью въ своемъ пути. Но, на самомъ дѣлѣ, жизнь Крестовскаго была полна душевныхъ и духовныхъ мукъ и сомнѣній. Книга не даетъ полнаго жизнеописанія, и мы знакомимся съ Крестовскимъ послѣ его бѣгства изъ сибирской ссылки, когда онъ былъ политическимъ эмигрантомъ въ Парижѣ, въ 1910 году. Трудна и душевно и матеріально была жизнь русскаго политическаго эмигранта. Крестовскій поналъ на самое дно эмиграціи, въ полууголовную босаяцкую компанію подъ кличкой «Не журысь», лозунгомъ которой была ненависть къ интеллигенціи. Случай ли привелъ его туда, какъ думаетъ г-жа Крестовская, или та жажда страданія и самоуничтоженія, которая жила въ немъ и заставляла его въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ притворяться пдіотомъ и покорно переносить издѣвательства какихъ-то трехъ мегеръ. Рассказывая мучительный эпизодъ съ пѣлкой больной душевно и физически дѣвухой Нилой, госпожа Крестовская говоритъ: «онъ шелъ къ ней потому, что сила страданія притягивала его магнетически». Недаромъ Достоевскій былъ любимымъ писателемъ Крестовскаго, — съ сочиненіями его онъ не разставался. Духъ Достоевскаго дѣйствительно жилъ въ немъ, проликалъ и вдохновлялъ его творчество.

Когда началась мировая война, вѣроятно та же жажда страданія не позволила Крестовскому спокойно жить и работать, и онъ пошелъ добровольцемъ во французскую армію. Ему не было еще 25 лѣтъ, когда онъ погибъ на фронтѣ. Можетъ быть, эта смерть не дала ему свершить свой творческій подвигъ, не дала разрѣшить